Беглецы и бродяги

Автор:
Чак Паланик

Беглецы и бродяги

Чак Паланик

Портленд, штат Орегон. Здесь на излете «проклятых восьмидесятых» родилась дикая, неистовая гранж-культура, подарившая миру великий рок-н-ролл, гениальное кино и талантливую литературу. Портленд, штат Орегон. Город, который стал для «Поколения Икс» и его наследников тем же, что Сан-Франциско для хиппи, Лондон – для панков и Новый Орлеан – для черных готов. Контркультурный форпост нашего времени, в путешествие по которому вас приглашает культовый уроженец и летописец Портленда Чак Паланик… Книга содержит нецензурную брань.

Чак Паланик

Беглецы и бродяги

FUGITIVES AND REFUGEES:

A Walk in Portland, Oregon

Печатается с разрешения Crown Journeys, an imprint of Crown Publishers, a division of Random House, Inc. и литературного агентства Synopsis.

© Chuck Palahniuk, 2003

© Перевод. Т. Ю. Покидаева, 2006

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Моей бабушке Рут Таллент

1920–2002

Предисловие

Края распускаются в бахрому

– У каждого, кто живет в Портленде, есть три жизни как минимум, – говорит Катерина Данн, автор «Полоумной любви». Она говорит: – У каждого по меньшей мере три разные личности.

Она сидит на окне, на четвертом этаже, в своей квартире в северо-западном Портленде, скручивает папироски и курит. Ее длинные светлые волосы, расчесанные на прямой пробор, собраны в хвост. Очки в черной оправе. Батареи тихонько постукивают, внизу на Глисен-стрит воют сирены.

– Скажем, кассир в бакалейном отделе, археолог и байкер, – продолжает она. – Или поэт, трансвестит и продавец в книжном.

Она скручивает еще одну папироску и говорит:

– Тут все очень хитро, потому что богатые хорошо маскируются. И никак не поймешь: может быть, этот неряшливый дядечка за прилавком на самом деле какой-нибудь богатей, который может купить магазин целиком, прожевать и выплюнуть.

Она курит и говорит:

– А милые, вежливые старушки с Вест-Хиллс – с их аккуратными кофточками и перламутровыми украшениями, – они все яростные сторонницы смертной казни.

В окне у нее за спиной – зеленые холмы. На стенах – картины и книжные полки. Все стены выкрашены в насыщенные переливчатые цвета: зеленый и темно-красный. В вазе на столе в гостиной – желтые фрезии. В кухне над раковиной – фотография в рамке: Тресси, Катеринина бабка по маминой линии, которая в возрасте восемнадцати лет самостоятельно ломанулась на запад и проехала по железной дороге через обе Дакоты, подвязавшись стряпухой в поезде, чтобы отработать проезд.

У Катерины есть своя теория: все, кто хочет начать новую жизнь, едут на запад, через всю Америку к Тихому океану. А из всех западных городов жизнь дешевле всего в Портленде. То есть мы, портлендцы, – самые тронутые из всех тронутых. Неудачники из неудачников.

– Все, кто с большим прибабахом, тут и оседают, – говорит она. – Все мы здесь – беглецы и бродяги.

В 1989 году у Катерины вышел роман «Полоумная любовь», сразу же ставший бестселлером. Место действия – Портленд. Эта книга – в ней рассказывается о семье нищих отверженных циркачей, которые специально рожают неполноценных детей-уродов, потому что публика любит смотреть на уродцев и готова за это платить, – пожалуй, самый известный роман из всех, где действие происходит в Портленде. Катерина хотела, чтобы действие «Полоумной любви» разворачивалось в таком месте, которое не вызовет у читателя никаких ассоциаций.

– В молодости, когда я жила в Париже, – говорит она, – я ходила по городу и видела город как его видят импрессионисты. Только так и никак иначе. Я видела город глазами импрессионистов и поэтому не могла воспринимать его по-другому.

Вот как родилась идея «Полоумной любви»: однажды семилетний сын Катерины, Бен, не захотел пойти с ней в Сад роз, и Катерина пошла одна.

– Я бродила среди гибридных цветов, и вдруг мне подумалось: «В природе так не бывает, а жалко – я бы тогда сконструировала себе очень послушного сына».

Она ходила в бассейн при Учебном центре городской общины, плавала и сочиняла историю для своей книги. Она много лет проработала в городской газете, вела еженедельную колонку «Кусочек из жизни» – про всякие странные, с сумасшедшинкой, случаи в Портленде.

Она говорит, что у Портленда теперь появилась своя индивидуальность.

– Теперь, когда кто-нибудь говорит «Портленд», или «Сиэтл», или «Валла-Валла», люди уже не таращат на него пустые глаза.

Сейчас Катерина Данн работает над новой книгой. У нее вышло переиздание «Полоумной любви» – для нового поколения восторженных почитателей. Но она все равно не собирается уезжать.

– Во-первых, я не умею водить машину, – говорит она. – И потом, я обожаю бродить по улицам. Тут на каждом углу поджидает история. – Она выдыхает дым в окно над Глисен-стрит. – Вот, – говорит она, – куда ни посмотришь, везде – история твоей жизни.

И Катерина права. Истории поджидают на каждом углу. И на каждом холме.

В 1980 году, ровно через шесть дней после школьного выпускного, я приехал в Портленд и поселился в квартире в Берлингейм-Вью, на крутом склоне холма, густо заросшего ежевикой, над супермаркетом «Фред Мейер» на бульваре Барбур (ЮЗ).

Мы снимаем квартиру втроем: я и еще двое парней. Они оба работают в ресторане, так что у нас вся кладовка забита коробками с краденой едой. Несколько ящиков шампанского. Трехгаллонные банки с улитками в оливковом масле. Травку и прочие радости жизни мы покупаем у знакомого поставщика,

который живет на Киллингсворт-стрит (СВ) и работает гончаром – сидит у себя в подвале, укуренный вусмерть, и ваяет кофейные кружки, по пятьдесят кружек в день. Подвал заставлен решетчатыми противнями с сотнями совершенно одинаковых кружек, которые дожидаются своего часа, когда их обожгут в печи. Ему лет двадцать пять, двадцать шесть. Уже совсем старый.

Днем я работаю курьером в газете «Орегонец», развожу гранки рекламных объявлений. По вечерам мою посуду в ресторане морепродуктов «Jonah’s». Ребята, мои соседи, приходят домой, и мы кидаемся друг в друга едой. Скажем, кусками вишневого пирога, большими липкими красными кусками.
Нам по восемнадцать лет. Мы уже совершеннолетние. То есть взрослые – по закону. Каждый вечер мы курим травку и пьем шампанское, разогреваем улиток в микроволновке. Прожигаем жизнь.

В какой-то момент совершаю ритуальное жертвоприношение: выкидываю свои миндалины, которые мне вырезали в детстве, – я потом нашел их у себя, в банке с формальдегидом, с биркой больницы Лурдской Богоматери. Загадываю желание и широким жестом бросаю банку с балкона, в кусты ежевики, что покрывают весь склон.

Когда друзья и родные приезжали к тебе в Портленд, насчет культурной программы – развлечь гостей – тут все было нормально. Сперва ты водил их в Музей манекенов Ван Кальвина. Это душный и жаркий складской ангар, где сотни пыльных манекенов расположились в художественном беспорядке среди жутковатых декораций. Мне больше всего нравился зал, где семьдесят голых детишек, покорябанных и помятых, сидят перед громадным телеэкраном и смотрят черно-белые мультики.

Потом вы посещали Круглосуточную Церковь Элвиса, где священники женили туристов и прилюдно над ними стебались. Потом – Западное Общество большеногих. Потом – музей НЛО. Может быть, вы водили гостей на стриптиз в старом Каретном ряду. Или на дискотеку в клуб «Сафари», где были чучела редких видов тигров, львов и леопардов, изрядно потрепанные и провонявшие сигаретным дымом. Или на вечеринку ОРГАСМа (Орегонской гильдии активистов садо-мазо), где демонстрировались разнообразные способы связывания и оргазмических пыток. Потом вы катались на Сэмтреке, самой маленькой в мире железной дороге, а там уже и выходные заканчивались.

Вот так мы и жили в те старые добрые времена, когда Рональд Рейган и Джордж Буш (старший) называли Портленд Маленьким Бейрутом и приезжали сюда с опаской. Каждый такой приезд означал, что под окнами президентского номера в «Хилтоне» на Бродвее (ЮЗ) обязательно соберется толпа анархистов. Они объедались картофельным пюре, обычным белым или подкрашенным пищевыми красителями – красным или синим. Потом, когда прибывал президентский кортеж, они пили сироп рвотного корня и облевывали весь отель белым, красным и синим.

Правда, никто не знал, что под воздействием желудочной кислоты синий пищевой краситель становится зеленым. Так что все это смотрелось как будто они протестуют против Италии… Но исполнение – это не главное. Главное – сама идея.

Тяжкий вздох.

Одна беда с неподшитым краем: не закрепишь – будет мохриться.

Сейчас в Портленде живут Тоня Хардинг и Боб Паквуд. Для сотрудников ФБР, которые «отрабатывают» серийных убийц, Тихоокеанский северо-запад – это убойная зона Америки, потому что народ тут доверчивый и дружелюбный. Пустынная, дикая местность – всегда под рукой. Климат дождливый, и все очень быстро сгнивает.

Эта книга – как бы собрание моментальных снимков из портлендской жизни. Такой фотоальбом, но в словах. От убийц с топорами до пингвинов, фетиширующих на ботинки. От подпольных опиумных притонов до экскурсионных пожарных выездов и живых секс-шоу. В официальной истории Портленда вы ничего этого не найдете. От разбуянившихся Санта Клаусов до Самоочищающегося Дома. И это только верхушка айсберга под названием Портленд, штат Орегон. Мифы. Слухи. Истории с привидениями. Кулинарные рецепты. Немного истории, немного легенд. И люди, конечно же, люди – чистосердечные, замечательные, дружелюбные. Прекрасные люди, которым, может быть, стоило попридержать язык.

А между встречами с людьми и местами, куда обязательно надо сходить или съездить, будут открытки. Но не из городов и местечек, а из определенных мгновений в Портленде.

Например, моя первая портлендская квартира на бульваре Барбур. Через месяц одного из моих соседей в третий раз арестовали за вождение в пьяном виде, и он поспешно уехал в Сиэтл, чтобы его не засадили в тюрягу. Второй сосед влюбился в какую-то шведку. Она подарила ему золотую ложечку для кокаина с рубином на ручке, и они тоже уехали, чтобы пожениться.

Из трех моих жизней – курьер – посудомойщик – вечно укуренный раздолбай – одной я лишился в тот достопамятный вечер, когда какие-то двое парней ограбили ресторан «Jonah’s». На головах у них были наволочки, а в руках – дробовики, они велели мне лечь на асфальт на стоянке. Я так долго лежал, прижимаясь лицом к асфальту, что у меня потом лоб был – сплошной синяк. Хозяин ресторана хотел сплутовать и получить по страховке как можно больше и попросил, чтобы я в разговоре с полицией вдвое завысил число украденного имущества. В кои-то веки я сказал правду, и меня вышвырнули с работы.

Я переехал со старой квартиры в комнату.

И все-таки где-то там, на крутом склоне холма, среди кленов и зарослей ежевики, лежат мои детские миндалины. Там, куда я их зашвырнул. Я тогда загадал желание: стать писателем.

Как разговаривать разговоры. Урок портлендского языка

Мы, орегонцы, даже название своего штата произносим не так, как все. Вы говорите: «Оре-ГОН». Мы говорим: «О-регон». Ничто – за исключением калифорнийских номеров на машине – так сразу не выдает чужака, как произношение наших местных словечек. Ниже приводится краткий список городского портлендского сленга с указанием, как правильно произносить слова типа Уилламетт, Малтномах и Кауч.

Шарик «Бэн» (или просто Бэн): дом № 1000 на Бродвее (ЮЗ), где располагается кинотеатр «Бродвей Метроплекс». Прозвище этого здания происходит от названия мужского шарикового дезодоранта «Бэн» («Запрет») (ban roll-on), потому что на крыше есть невысокий белесый купол, похожий на шарик

от дезодоранта.

Ключи Бенсона: фигурные уличные питьевые фонтанчики в деловой части Портленда, которые подарил городу лесопромышленник Саймон Бенсон.

Большой румяный: самое высокое здание в Портленде, сорокатрехэтажная башня банка «u.s. bancorp» на углу Бернсайд-стрит (З) и Пятой авеню (ЮЗ).

Черный ящик: здание в космополитическом стиле на Маркет-стрит (ЮЗ), 200.

Джинса: прозвище города Юджин, где располагается Орегонский университет, в частности, кафедра свободных искусств.

Орего-гонец: прозвище ежедневной газеты «Орегонец». Фишка в том, что название видится как «Орегонский гонец» – «тот, кто гонит».

Писающие мальчики (писающие певчие): фонтан из пяти изогнутых струй на углу Бернсайд-стрит (З) и Пятой авеню (ЮЗ). Также известен как «Мойка автомобилей».

Корн Вэлли: прозвище города Корваллиса, где расположен Орегонский университет штата и высшая сельскохозяйственная школа штата. По созвучию corvallis (Корваллис) и corn valley (Кукурузная долина).

Кауч (Кушетка): произносится «Куч». Улица, проходящая через северо-западный и северо-восточный Портленд, названа в честь орегонского пионера, капитана Джона Кауча.

Круиз по центрам: традиционный маршрут прогулок портлендских подростков, на юг по Бродвею (ЮЗ) и на север по Четвертой авеню (ЮЗ).

Чертов Треугольник: треугольник, образованный Бродвеем (ЮЗ), Старк-стрит и Одиннадцатой авеню (ЮЗ). Там расположены бар «Сильверадо» и мужские бани «Портлендский клуб».

Клизма-21: так сотрудники «Кинематографа-21» называют свой кинотеатр, расположенный на Двадцать первой авеню (СЗ). По созвучию enema (клизма)

и cinema (кинематограф).

Эсте Лаудер: прозвище гей-бара «Убойный».

Злачный квартал (Зона): район в юго-восточном Портленде между Фостер-роуд (ЮВ), автострадой № 205 и бульваром Джонсон-Крик. Отличается самой высокой плотностью подпольных нарколабораторий. Среди жителей Зоны самый высокий процент уголовников, отбывших тюремное заключение.

Рыбное место: ресторан «Рыбный грот». Когда-то там был популярный бар, где одинокие мужики снимали себе проституток и где Катерина Данн (автор «Полоумной любви») работала официанткой на коктейлях.

Чесночный проезд: район, где раньше селились одни итальянцы, на южной оконечности Бельмонт-стрит (ЮЗ), рядом с Одиннадцатой авеню.

Гетто: бары и танцевальные клубы вокруг ресторана «Рыбный грот» на углу Одиннадцатой авеню (ЮЗ) и Старк-стрит.

Глисен: раньше произносилось «ГЛИСС-ен», теперь произносится «ГЛИ-син»; улица, проходящая через северо-западный и северо-восточный Портленд, названа в честь пионера Фронтира доктора Родни Глисена. В произношении «Глисин» название улицы созвучно «glee-sin» – «веселый грешок».

Раджниш-Отель: здание из красного кирпича на углу Одиннадцатой авеню (ЮЗ) и Мейн-стрит, где раньше располагался отель Марты Вашингтон для женщин, а теперь располагается окружная тюрьма Малтномаха. В 1980-х зданием владели последователи культа Бхагвана Шри Раджниша.

«Луи Луи»: дом № 409 на Тринадцатой авеню (ЮЗ), где группа «the kingsmen» записала свою знаменитую композицию «Луи Луи». Студия на втором этаже сохранилась и по сей день, и теперь ею владеет местная продюсерская компания «food chain films». Бронзовую табличку на входе в здание давно украли.

Особняк Климакс: многоквартирный дом Айона-Плаза рядом с Портлендским университетом штата (особенно после 1985 года).

Малтномах: произносится с ударением на втором слоге Малт-НО-мах. Происходит от туземного слова Немалтномак, названия племени индейцев, стоянку которых Льюис и Кларк обнаружили во время своей экспедиции по орегонским землям. Название округа, который включает в себя почти весь Портленд.

Мерфи и Финнеган: старое прозвище универмага «Мейер и Франк», на углу Пятой авеню (ЮЗ) и Алдер-стрит.

Козырный холм: богатый район от Бернсайд-стрит (З) до Петтигроув-стрит (СЗ), к западу от Семнадцатой авеню (СЗ).

Северный полюс: Северный Портленд.

Старый город: район в центре Портленда к северу от Бернсайд-стрит (З) и к востоку от Бродвея (СЗ). Ранее известный как «Северный край», «Дьявольский город», «Гиблое место» и «Большой Эдди», это был настоящий рассадник проституции, наркотиков и азартных игр.

Жемчужный загон: район сразу к северу от Бернсайд-стрит (З) и к западу от Бродвея (СЗ). «Смешанная» территория дорогих кооперативных домов и муниципальных многоквартирных домов для людей с низким доходом. Отличается самой высокой плотностью художественных галерей, ресторанов, ночных клубов и маленьких магазинчиков.

Пигготтова придурь: замок, построенный в 1982 году Чарльзом Пигготтом на Бекингем-авеню (ЮЗ).

ПУШок (Пухлый): Портлендский Университет штата.

Прости-тявки: беспризорные дети, промышляющие уличной проституцией.

Дурдом: супермаркет «safeway» на Джефферсон-стрит (ЮЗ), между Девятой и Одиннадцатой авеню (ЮЗ). Любимое место городских сумасшедших, магазинных воришек-нарков и студентов из расположенного неподалеку Портлендского Университета штата.

Пошли все на: прозвище Портландии, огромной бронзовой статуи женщины с трезубцем, созданной скульптором Раймондом Каски и установленной над входом в небоскреб Портленд-билдинг на Пятой авеню (ЮЗ), 1120. Статуя как бы грозит прохожим пальцем, но снизу кажется, что она показывает вытянутый средний палец, что, собственно, и означает «Пошли все на».

Камышата: студенты и выпускники Колледжа Рида, среди которых был и Баррет Хансен, известный как доктор Дементо. Прозвище родилось по созвучию reed (Рид) и reed (камыш).

Шницель: Концертный зал Арлен Шнитцер на углу Бродвея (ЮЗ) и Мейн-стрит, некогда – «paramount», изысканно мрачный, отделанный черным и золотым зал для рок-концертов, а еще прежде – кинотеатр «Портленд».

Серебряный дилдо: прозвище бара «Сильверадо», где проходит мужской стриптиз. См. также Чертов Треугольник.

Вонючий город: район к югу от южной оконечности моста Сент-Джонс-бридж, где расположен заброшенный газоперерабатывающий завод. Разрушающееся административное здание завода с часовой башней на крыше считается самой фотографируемой достопримечательностью Портленда.

Три генитальки в фонтане: прозвище статуи «Поиск», созданной графом Александром фон Свобода, в западной части офисного центра страховой компании standard insurance, на углу Пятой авеню (ЮЗ) и Сальмон-стрит.

Трастафари: потенциальные хиппи и активисты различных движений (наркотического, анархического, «зеленого»), которые носят одежду из конопляной пеньки, душатся эфирным маслом пачули и притворяются бедными, хотя получают очень даже приличный доход из трастовых фондов, учрежденных богатенькими родителями.

Круглосуточная церковь Элвиса: художественная инсталляция и храм, располагавшийся в свое время на Анкени-стрит (ЮЗ), 720.

ВК: «Кафе Вирджиния», бар и ресторан на Парк-авеню (ЮЗ), 725.

Уилламетт: произносится «вил-ЛАМБ-мет», происходит от индейского слова Вал-ламт («пролитая вода»). Изначально название относилось к водопадам к югу от Портленда, близ Орегон-Сити. Сейчас так называется река, что течет через Портленд на севере.

Ведьмин дом: либо дом Саймона Бенсона (недавно отреставрированный и перенесенный на территорию Портлендского университета, в Саус-Парк-Блокс), либо особняк Дэвида Кола на МакКлиллан-стрит (С), 1441, где в верхней комнате в башне когда-то сидела старуха и наблюдала за проходившими мимо детишками, либо Каменный Дом – парковая постройка итальянских каменщиков на Балтс-Крик под Турман-стрит-бридж.

(открытка из 1981-го)

Кислота и ЛСД – это одно и то же. Я почему обращаю на это внимание: я сам этого раньше не знал.

В этом году мне девятнадцать. Я снимаю комнату на втором этаже, в доме № 2221 на Фландерс-стрит (СЗ). Джинсы мы с друзьями покупаем в «Squire» на углу Бродвея (ЮЗ) и Алдер-стрит. Мы носим плотницкие штаны с завышенной талией, с такой, знаете, петелькой на бедре, чтобы можно было повесить молоток. В «Squire» есть малярские брюки из белой джинсы и инженерные джинсы в полоску. Мы слушаем «Flying Lizards» и «Pink Floyd».

Еще когда я учился в школе, я посмотрел один жутковатый фильмец. Называется «Фокус на кислоте». Кислота изменяет сознание: под кислотой можно принять пламя газовой плитки за красивую голубую гвоздику. Со всеми вытекающими последствиями. А через несколько лет может случиться обратный удар, тебе вставит без всякого препарата, и ты разобьешься на машине.

И все же, когда друзья предложили скушать по марочке ЛСД и пойти в планетарий в ОМНТ (Орегонский музей науки и техники) на световое лазерное шоу под «Pink Floyd», я сказал: да. Давайте.

Рассуждал я примерно так: ЛСД – это диэтиламид лизергиновой кислоты. Простой алкалоид. Обыкновенное химическое вещество. Все по науке.

Была зима. Тогда ОМНТ располагался на Вест-Хиллс, на холме высоко над городом, рядом с зоопарком. В декабрьских сумерках мы уселись на промозглой стоянке у планетария и съели по маленькой бумаженции, пропитанной ЛСД. Я был подготовлен: друзья рассказали, чего ожидать. Сперва мы будем смеяться – и улыбаться так долго и напряженно, что лицевые мышцы будут болеть еще несколько дней. Потом мы будем скрипеть зубами. Об этом следует знать заранее, чтобы не сточить себе зубы. Все цвета, все источники света станут размытыми, как хвост кометы. Нам будет казаться, что краска стекает со стен. Мы сначала посмотрим лазерное шоу, а потом прогуляемся по Вест-Хиллс и будем втыкать на рождественские огни.

Планетарий ОМНТ – это большой круглый зал, где сиденья располагаются по всей окружности, а в центре стоит проектор. Мы садимся. Я сижу так, что слева – мои друзья, а справа – какая-то незнакомая тетенька. В колонках включается «Floyd», на черном куполе пляшут красные лазерные закорючки, а я все смеюсь и смеюсь и никак не могу остановиться. Играет «Dark Side of the Moon», а у меня болят челюсти. Играет «The Wall», и друг, который сидит рядом со мной, говорит: «Возьми что-нибудь в рот». Он говорит: «Иначе зубы сотрешь».

Он прав. Во рту уже горячо, и появился такой обжигающе металлический привкус, как это бывает, когда тебе сверлят зуб. Это я с такой силой скриплю зубами.

Сейчас декабрь. Мы все – в джинсовых куртках, подбитых искусственной овчиной. Спортивные шапки, толстые вязаные шарфы. Пихаю в рот шарф и жую.

Потом – я не помню, что было. А потом вдруг оказалось, что я задыхаюсь. В горле – что-то сухое и мягкое. Пытаюсь откашляться. Рот забит чем-то пережеванным и пушистым. Вроде как нитки. Или волосы.

Лазерные закорючки мечутся в темноте, в колонках гремит «Pink Floyd», а мой шарф – он какой-то совсем не такой. Слишком мягкий. Сплевываю на ладонь ворсинки. Да это же мех. Норка, кролик – я не особенно разбираюсь. Но что мех – это точно.

Тетенька, что сидит справа, – у нее меховая шуба. Она сняла ее с плеч, чтобы не было жарко. А один рукав упал ко мне на колени. То есть я в темноте не увидел и сжевал не свой шарф, а рукав ее шубы – выел весь мех от локтя до манжеты.

Друзья пытаются передать мне бандану, политую каким-то чистящим растворителем. Чтобы вдохнуть и догнаться. Растворитель ужасно вонючий. С ароматом несвежих носков. Люди вокруг возмущаются: что за запах.

Представление подходит к концу. Скоро музыка доиграет, лазеры выключат. Включится свет. Зрители встанут с мест. Примутся надевать шапки-перчатки. И незнакомая тетенька справа заметит, во что превратился рукав ее шубы. Она увидит, что у меня весь рот – в липких мокрых ворсинках. И шерсть между зубами. А я буду сидеть и пытаться откашляться – кроликом там или норкой.

Друг, который сидит слева, пихает меня локтем, все еще пытаясь всучить мне бандану, политую вонючим растворителем. Четыреххлористый углерод – еще одно очень простое химическое вещество. А тетка, чья шуба, морщится и говорит: «Господи, чем это пахнет?»

Как только кончается последняя песня, но до того, как включится свет, я встаю с места. Говорю друзьям, что пора на выход. Вот прямо сейчас. Пихаю их по проходу. Зажигается свет. Я толкаю ближайшего из приятелей. «Бежим. Все вопросы – потом, а сейчас быстро сваливаем».

Они, понятное дело, решили, что это прикол. И мы бежим к выходу. На стоянке у планетария темно. Пока мы сидели внутри, пошел снег.

Снежинки похожи на пушистые комочки. Мы бежим сквозь снегопад. Сквозь ночной Вашингтон-парк. Мимо зоопарка и больших домов в переливах рождественских огней. Каждое пятнышко света – как размытый мазок. Как хвост кометы. Мы бежим сквозь сад роз. Внизу раскинулся город. Мои друзья смеются. Их пальцы и лица воняют химическим растворителем. Они бегут сквозь снегопад. Они уверены, что это такой прикол.

В поисках приключений

Все нижеследующее – это почти как реальный кислотный трип минус повторные галлюцинации. Испытайте, что это такое: войти в чей-то мир и прожить там пару часов. Эти четырнадцать портлендских мест – самое лучшее доказательство, что мы все живем в разных реальностях.

1. Самоочищающийся Дом

На табличке на входе написано: НЕ НАСТУПИТЕ НА ЯДОВИТЫЙ ПЛЮЩ И НЕ КОРМИТЕ БЫКА, – и это не шутка. Иначе датский дог Молли перегрызет вам глотку.

Это всемирно известный Самоочищающийся Дом, спроектированный и построенный изобретательницей Франсис Гейб, художницей, выдумщицей и великой рассказчицей. Стены сложены из бетонных блоков, опрокинутых набок, так что отверстия в плитах образуют маленькие окошки. Окошки герметично запаяны плексигласом, а внутри стоят всякие милые безделушки, с которых не надо смахивать пыль.

Некоторые открытые блоки заделаны янтарным стеклом, отчего свет в помещении становится золотистым, как сотовый мед. Как будто это не дом, а пчелиный улей.

– Свет должен пронизывать дом насквозь, – говорит Франсис.

Входная дверь – это цельная пластина, отлитая из смолы, с запечатанными внутри полосками древесной коры. Дерево называется сумах, и кора у него красно-лиловая. Франсис была от него без ума и долго пыталась подобрать краску того же оттенка. У нее ничего не вышло, но ей очень хотелось, чтобы в доме присутствовал этот цвет, и в итоге она придумала вот такую инкрустацию в смоле. К ее несказанному огорчению, от смолы кора почернела.

Чтобы сделать уборку в доме, нужно всего лишь нажать на кнопку, чтобы включить вращающиеся разбрызгивающие устройства, вделанные в потолок в каждой комнате. Мыльный раствор поступает прямо в трубы. Нажимаем другую кнопку – и из душа под потолком льется чистая вода, смывающая мыло. По наклонному полу вода стекает в камин со сливом. Потом включается сушка:

что-то вроде большого фена с горячим воздухом. Все полки на кухне – открытые, с решетчатым дном, так что вода просто стекает на пол. На кухне устроен мусоропровод с выводом в мусорный бак на улице. Одежда стирается и сушится прямо в шкафу, на вешалках, прикрепленных к подвижной цепи, которая «прокатывает» предназначенные к чистке вещи по всем трем секциям шкафа. Первая секция – что-то вроде стиральной машины; вторая – сушилка; третья – собственно шкаф, где висят чистые вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/chak-palanik/beglecy-i-brodyagi

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить